

Людмила Чурсина:

Я не жалею, что не поехала в Голливуд

Двадцать пять лет назад Людмила Чурсина поразила всех мировых кинокритиков на фестивале в Сан-Себастьяно. За роль Марфы — обыкновенной женщины с обиходной для послевоенного времени судьбой — короткое, в один миг бабье счастье, а потом долгая жизнь, согретая лишь воспоминанием и ожиданием, — жюри единодушно присудило молодой актрисе приз за лучшую женскую роль. А фильм «Журавушка» триумфально прошел по всему миру.

На следующий год Чурсина получила Государственную премию РСФСР, читатели «Советского экрана» назвали ее лучшей актрисой года. Фильмам, в которых она снималась, реклама была не нужна — все знали, что если в афише стоит имя Чурсиной, то смотреть картину надо однозначно.

— Людмила Алексеевна, когда у вас появилась мечта стать актрисой?

— В детстве я об этом не мечтала, вообще все получилось, как в фантастическом сне. В школе моими любимыми предметами были математика и физика, я хотела строить самолеты и корабли. Во всем виноват его величество случай.

Училась я в Великих Луках, в Москву приехала поступать в авиационный институт, но приехала чуть раньше, за компанию с подружкой. Она была звездой нашего школьного драмкружка, и ей прочили большое будущее на сцене, а я всего лишь раз сыграла там Бабу-Ягу. Экзаменов в МАИ я не боялась — школу закончила с серебряной медалью — и решила из озорства за компанию с подружкой попробовать поступить в театральный вуз. Получилось же все в итоге более чем необычно — я поступила, а подружка нет. Причем удивительно, но я прошла творческий конкурс во ВГИКе, в ГИТИСе и Щукинском училище. Выбрала Щуку — актерский факультет там тогда наиболее котировался.

— Тяжело ли было учиться и на ходу перестраивать свои жизненные планы?

— Проблем хватало. Я очень сильно прокала, поскольку детство провела в Тбилиси и грузинский язык выучила вместе с русским. Мне сразу же было поставлено условие: если за год не исправишь речь, то встанет вопрос об отчислении. Речь я исправила и в итоге закончила Щуку с красным дипломом.

— Как получилось, что уже на первом курсе вы много снимались в кино?

— Сначала Лев Кулиджанов пригласил на роль в фильме «Когда деревья были большими». Роль была эпизодической, но на съемочной площадке я имела счастье работать рядом с Василием Щукшиным, Юрием Никулиным, Леонидом Куравлевым...

— Но даже в эпизодической роли вас заметили и оценили. Как вас пригласили на роль Дарьи в «Донскую повесть»?

— До этого я снялась в эпизодах еще в нескольких фильмах. Начались экзамены за четвертый курс, мне позвонили с киностудии и пригласили пройти кинопробы. В то, что меня могут утвердить, совершенно не верила — на эту роль пробовалось много очень известных актрис, а я тогда была робка, наивна и



беспомощна и вряд ли соответствовала образу шолоховской героини. Поэтому сильно удивилась, когда пришла телеграмма с вызовом на съемки в станицу Раздорская. Неожиданно роль удалась. Мне опять повезло — работала вместе с Евгением Павловичем Леоновым, рядом с которым было очень легко. Для меня есть два рода актеров — ведущие и ведомые, наверное, я принадлежу ко второй категории.

— То есть после «Донской повести» все уже пошло легко и просто?

— Как раз наоборот. Я не снималась несколько лет подряд. Мне предлагали массу ролей ярких разбитных колохозниц, за внешним обликом которых не просматривалось никакого характера. Не хотелось размениваться на мелочи.

— И вы наконец-то дождались своего часа: Анфиса в «Угрюм-реке», Вириния в одноименном фильме, запоминающиеся роли в «Олесе» и «По Руси». Но самый большой успех выпал на долю «Журавушки». Вы ожидали триумфа в Сан-Себастьяно?

— Я и подумать не могла, что получу приз за лучшую женскую роль. На церемонии закрытия сидела рядом с Никитой Михалковым, Михаилом Ульяновым и Леонеллой Пьеревой. Когда назвали мою фамилию, то долго не могла понять, зачем, к чему и что я все-таки должна делать. Как во сне, пошла получать приз и, казалось, добиралась из зрительного зала до сцены целую вечность.

— Это признание как-то повлияло на вашу дальнейшую судьбу?

— Ко мне проявили интерес американские продюсеры — предложили подписать долгосрочный контракт и три года сниматься в Голливуде. Сами понимают, что никакого контракта в то время я подписать не могла. Американцы вели переговоры с руководством нашей делегации, а я уехала в Москву и постаралась про это предложение забыть. Через полгода меня пригласили в Госкино и сказали, что меня настойчиво зовут в Голливуд, но условия контракта невозможны. Я не очень жалею о том, что не поехала в Америку. Языка я не знала, и сниматься было бы огромным мучением.

— А как складывалась ваша работа в театре?

— По окончании Щукинско-го Рубен Николаевич Симонов пригласил меня в театр Вах-

тангова, где я проработала более трех лет. Потом по семейным обстоятельствам переехала в Ленинград и ужасно растерялась — в театры я показываться никогда не умела. В итоге устроилась в театре киноактера при «Ленфильме», работала на договоре в театре имени Пушкина. Там я познакомилась с удивительным режиссером Розой Сиротой. С ней мы сделали мой самый любимый спектакль «Супруги Каренины». Но работа в Ленинграде перестала приносить удовлетворение, и десять лет назад я вернулась в Москву.

— А почему выбрали Центральный театр Советской Армии?

— Там как раз приступили к репетициям «Идиота», а я всю жизнь мечтала о роли Настасьи Филипповны. Потом сыграла хорошую роль в шекспировском «Макбете». На роли мне вообще грех жаловаться. Сейчас играю в «Павле I» и получаю удовольствие. Правда, ушел из жизни мой партнер по спектаклю замечательный Олег Борисов, царство ему небесное, и к нам пришел другой Павел — Валерий Золотухин. А совсем недавно Петер Штайн поставил у нас «Орестею», и работать с таким большим мастером было в удовольствие.

— Какие впечатления остались у вас от этого всемирно известного режиссера?

— Штайн — режиссер с высочайшей культурой. Поразил его профессионализм: конкретность в работе, невероятная пунктуальность, стремление самому вникнуть во все мелочи.

— А ведь «Орестею» могло и не быть. Тогдашний министр обороны Язов запрещал постановку в армейском театре, а Штайн ни на какой другой московской сцене работать категорически не хотел. Правда ли, что вы уговорили министра обороны изменить свое решение?

— Ладно, расскажу о той истории, как все было. Я, Лариса Голубкина и Алина Покровская проблись к министру обороны. На столе у него лежал Эсхил. «Орестею» маршалу нравилась, тем более, что ему рассказывали о Штайне такого!.. Министра можно только уважать за прямоту и искренность — через час он признал, что ошибался, а через три дня отменил свое решение о запрете постановки.

— В последние годы вас не видно на киноэкранах, неужели нет предложений и вы перестали сниматься?

— Предложений хватает. Но все предложенные роли мне неинтересны — я довольна своей работой в театре. Чтобы не терять форму, снялась в фильмах: «Графиня», «Умереть не страшно» и «Убийство свидетеля», но на экранах, по моему, ни один из них так и не появился. В российском кинематографе происходит сейчас что-то невероятное — отснятые фильмы сразу куда-то пропадают. Кстати, совсем недавно я закончила съемку в телесериале «Горячев и другие», и эта работа принесла мне много приятных минут.

— Вы никогда не жалели о том, что вам так и не довелось строить корабли и самолеты?

— Господин случай выбрал меня и подарил прекрасную и мучительную профессию. Мне грех жаловаться на жизнь.

Беседовал
Алексей БЕЛЫЙ.